

мастера
современной
русской
прозы

Владимир Сотников

Улыбка

Эммы

МОСКВА

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С67

Разработка серии и дизайн обложки: *Александр Кудрявцев*,
студия «FOLD & SPINE»

Сотников, Владимир Михайлович.
С67 Улыбка Эммы : [роман] / Владимир Сотников. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 256 с. — (Мастера современной российской прозы).

ISBN 978-5-699-91008-3

С первым героем этого романа происходят события, не объясняемые привычной логикой. Он остается жив во время раскулачивания. Не гибнет в завале шахты. Пули не убивают его на войне. Он не тонет, наводя понтонные переправы через Днепр, Вислу, Одер. Невредимым проходит через абсолютное зло. И та же сила оберегает второго героя книги — его сына — уже в наше время. Судьба, любовь, совесть, неприятие лжи чувствуются ими одинаково.

Эта книга — обо всем. Станным образом коснулась она всех проявлений человеческой жизни. Автор нашел для этого ясную форму новой художественности.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91008-3

© Сотников В., 2016
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2016

Бог видит не все.

Помню свою детскую жалость оттого, что заметил: умные умолкают первыми.

Во время взрослых разговоров я любил слушать отца, но он всегда мрачнел, словно утомляясь, и постепенно оставались звучать наверху лишь чужие слова. А я, маленький, переводящий снизу взгляд с одного человека на другого, оставался в недоумении, глядя на лицо молчащего. Ну что же ты, говори, словно просил я. Мне так нравится тебя слушать! А он почему-то отмалчивался, и мне казалось, что лицо его без всякого зеркала смотрится само в себя — взгляд становился не потухшим, а возвращенным, и обратный путь взгляду нравился больше.

Таким чаще всего в моей памяти появляется отец. Говори, хочется мне сказать, обернувшись не только во времени, но как бы и вдогонку. Говори!

Владимир Сотников

Почему память бережнее всего хранит его усталое молчание?

И сейчас, словно в отместку не услышанному вовремя или просто потому, что близится время моего умолкания, я говорю за двоих.

Жизнь моя началась в отцовский день рождения. Во всяком случае, через девять месяцев, с небольшой поправкой на лунный календарь, после тридцать четвертого дня рождения отца родился я.

Особенного смысла я в этом не вижу, как не вижу и полного его отсутствия. Я убеждался на каждом шагу своей жизни в том, что достаточно было лишь о чем-то подумать, как мгновенно это подуманное становилось значительным хотя бы в смысле своего существования. Иногда даже назойливо значительным. Например, обыкновенную тряпичную ленточку, которая болталась за окном, когда я смотрел на нее, лежа в детской кроватке, я постепенно, из-за частого воспоминания, связал с целым миром. Истлевшая, бесцветная ленточка, которую оставалось в то время лишь дернуть вниз, и она рассыпалась бы в прах, всю мою жизнь всплывала перед моими глазами, как только я оказывался на краю пропасти. Ленточка, колыхнувшись от ветра, словно напоминала: зря, что ли, болталась перед тобой в детстве? Зря?

И я останавливался, не доходя до края. Ленточку становилось жалко.

Так есть ли смысл в том, что жизнь моя началась в день его рождения? Не знаю. Но, думая об этом, я поневоле или, наоборот, по своей воле стал считать себя неким двойным человеком. Я это он. И время, даты, совпадения не так важны. Теперь оказалось, что важно не сказанное вовремя. А должно быть сказано, чтобы наконец стать увиденным.

А может, потому он и умолкал — чувствуя, что я буду говорить за него? Вот я и говорю.

Часть I

Темно и тихо, в доме лишь тикают часы. Это идет время. Секунда за секундой. Может быть, где-то среди звезд так же отсчитываются и годы? И мои тридцать четыре года? Здесь это целая жизнь, а там — мгновение. Интересно, с каким звуком оно пронеслось? Как прозвучали там жизни моих ровесников, с которыми мы в сорок втором ушли из деревни и уже через несколько дней бежали гурьбой на немецкие пулеметы с деревянными винтовками в руках? Где они? Я думаю о них каждую ночь под утро и представляю темное небо с россыпью звезд. Они — там? Не знаю. Но если спрашиваю, если думаю об этом, то это может быть.

Мои воспоминания — это время. И слова, которые при этом проворачиваются во мне, — тоже вре-

мя. Оно не только проходит мгновениями, минутами, часами, годами, но и собирается словами, как звезды из звездной пыли. Кому я говорю, представляя темное небо над домом?

И стало легче на душе от этой мысли. Тяжесть ночи растворилась, исчез мутный и мучительный сон, я улыбнулся своему умению спасать себя от тяжелых мыслей. Надо подумать, как думал когда-то в детстве, стараясь все объяснить, и тогда все становится не так мучительно непонятно.

Когда-то это впервые пришло ко мне неожиданным открытием, будто я шел-шел, оступился, встрепенулся и очнулся. Во время беспросветных раздумий о том, что же я такое, что такое жизнь и кто я, вдруг представил ясно и по-детски свой дом и себя в тесноте стены как бревнышко. Но быть бревнышком мне не очень понравилось, и я представлял себя и окном, и краем крыши, и ласточкиным гнездом — этот выбор уже увлекал, смешил. Тревога растворилась, и страх перед непонятностью жизни прошел.

А лучше всего было в лесу или в поле. Я уподоблялся деревьям и травам, удивляясь и радуясь этому сходству.

И танки в беззвучном приближении, когда они ползли к высотке, на которой я лежал, окопавшись,

стали похожими на детские машинки, перевернутые мыльницы, и мертвенный страх превратился в мысль: если буду жить, то всегда.

Сейчас я привык или даже полюбил выходить из дома перед рассветом, чтобы посмотреть на поле возле леса. Оно точь-в-точь такое же, как и то военное поле с ползущими в шахматном порядке танками — широкая низина, поднимающаяся к высотке с березами. Надо же было построить свой дом в этом месте! Ведь сходство я увидел уже потом, когда дом вырос.

Нас был взвод. Несколько противотанковых ружей. И мы начали стрелять издалека по этим танкам. Их было штук двадцать. Слышно было, как бьют пули пэтээров по броне, отлетая рикошетами. Ясно было, что танки нас раздавят — немцы всегда так поступали с пэтээрщиками. Да и со всеми остальными, кто в них стрелял, — в любом случае танки, вползая на высотку, утюжили ее, перемалывали гусеницами. Вместе с убитыми, ранеными, живыми. Всегда. Готов ли я был умереть? Нет.

И вдруг танки остановились. Одновременно и одинаково повернули на месте и поползли в сторону по низине. Мы прекратили стрельбу, хотя в бокую броню, конечно, стрелять удобнее. Лежали, как будто сознание потеряли с открытыми глазами.

И танки давно пропали, а мы все лежали. Сколько так прошло времени, не помню. Может, оно остановилось. Или исчезло. То время, я думаю, похоже на нить, которая была натянута отдельно от жизни и оборвалась, а сейчас, когда я смотрю на это похожее поле, то стараюсь поймать обрывок того времени. Помню тогда только тишину, которая звенела в ушах, но тишина — это не время. Сколько продолжалась та тишина? Она и сейчас продолжается, раз я об этом думаю. В этом, наверное, и разница между временем и тишиной: время идет, а тишина продолжается.

Звезды гаснут. Растворяются в рассветном небе.

Когда я здесь стою, всегда вспоминаю Эмму. Это уже как привычка. Жалко, что ничего нового не вспоминается. Хочу припомнить что-нибудь неожиданное, а все начинается с одного и того же: открывалась утром дверь, тихонько-тихонько, как ее улыбка, и в эту щелочку заглядывали ее глаза. Было ли в моей жизни большее счастье?

Мне кажется, что она тоже думает обо мне в такие минуты, в ответ. Где она? Я смотрю на небо, на котором еще осталось несколько слабых звезд. Души умерших уносятся вверх и смотрят оттуда? Не знаю. Я никогда не чувствовал, что Эмма там. Она умерла летом сорок пятого, но я никогда не мог потом

подумать о ней как о мертвой. И как о живой тоже не мог, ведь я помню тоненькую струйку крови изо рта и застывающий туман в ее глазах. За эти годы я как будто вернул ее себе, в свою жизнь, которую никто не видит и не знает. Эмма там. Это тревожный и странный мир, который я вижу, но никак не пойму, какой он. Почему меня самого туда не пускают, если я хозяин этого пространства? Эмма там всегда одна — такая, как я о ней думаю.

Но я знаю, что долго так думать нельзя. Пропаду. Я даже не понимаю, что значит для меня «пропаду», это не умру и не заболею, но именно пропаду. Нельзя долго думать о бесконечности, о непонятном, о том мире, где Эмма. В него можно только входить и обязательно выходить. Это надо не только для меня, но и для Эммы, ведь если я пропаду, то и она исчезнет.

Я представляю дождь или жука, который перебегает сейчас пыльную улицу неслышными шагами. Почему дождь, почему жука? Просто так, чтобы подумать о чем-то другом, понятном. А лучше всего мне помогает какая-нибудь работа. Люблю копать землю, это началось уже после войны, за все ее годы я ни разу не копал хорошей земли — почему? Удивительно. Перекопал, наверное, тонны — окопы, ячейки, просто окапывался, падая в атаке под

обстрелом, а хорошей земли не помню. А сейчас копать — как детям играть, в радость. Хорошо огород перекапывать, ямы под столбики забора, сейчас вот ворота буду ставить. Ямы под воротные сваи нужны как одиночный окоп, чуть ли не в рост. Пистолет, который принес с войны, я несколько раз в саду закапывал. Зарю под яблоней, потом думаю — нет, в другом месте лучше будет. Опять закапываю, поглубже. Смазанный, упакованный, лежит в земле. Нет, не дожидается своего часа — лежит, ненужный. Жалко просто выбросить.

Черенок лопаты я нащупываю у начатой вчера ямы, даже не видя. Земля податливая, целиком наполняет лопату. Небо светлеет, и уже заметно, какие влажные и блестящие комья земли на срезях.

Пронесся ветерок, будто воздух очнулся от ночной неподвижности. И звуки появились — скрипнул колодезный журавль, кто-то кого-то окликнул вдалеке.

И меня окликнули.

Жена стоит на крыльце. Держит ведро — идет доить корову.

— Люди увидят, смеяться будут.

Это она о том, что я копаю в такое время.

— Вместо зарядки, — отмахиваюсь я. — Днем времени не будет.

Интересно, а можно сказать правду, зачем я копаю?

Жена скрылась в сарае, оттуда донесся шумный вздох коровы. Я тоже так же вздохнул, опершись на лопату. И улыбнулся — какие смешные эти утренние звуки. Почему эти звуки кажутся мне смешными? Никому не объяснить и даже не сказать о том, что смешно, когда проведешь ладонью по гладкому бревну в стене и похлопаешь, как будто по арбузу. Сам не понимаешь. Но я неправильно сказал. Не смешно, а радостно. Потому и смешно.

Так все спутанно, понятное и странное. Понятные движения — провести ладонью по стене, копать землю, и странная радость при этом. А небо? Понятен взгляд, а чувства странные. Если взглянуть на него одним долгим взглядом от горизонта до горизонта в такое утро, скользнуть глазами от черного цвета до рассветного, словно пробуждая жизнь и здесь, внизу, — только засмеешься.

Мне вспоминается один давний сон, в котором жизнь увиделась похожей на длинный коридор со множеством дверей. Я поочередно открываю эти двери, заглядываю в них, и за каждой из них часть моей жизни, которую знаю только я. Так жалко, что больше никто этого не видит. Так жалко, что некому об этом сказать и рассказать. Только себе. Тому, кто внутри меня.

Детство, небо, поле с березами на высотке, длинная молчаливая деревенская улица, на краю которой стоит мой дом, — сколько их, моих дверей? Много.

Как упруго звучат струи молока. Переговариваются. Я подхожу к самому сараю и долго слушаю, пока жена не закончит доить. Выходит с ведром в руке и смотрит на меня, словно не узнает.

— Что ты все думаешь? — спрашивает она.

Я не знаю. Пожимаю плечами, беру у нее ведро, ставлю на землю, кажется, что я хочу ей все сказать, объяснить, рассказать... Мы медленно ступаем, как в почти неподвижном танце, и плывем в глубь сарая — мимо коровы, мимо ее бесконечного вздоха к плотному сену.

— Ты что, с ума сошел, дом же есть...

Я слушаю множество шорохов, в которых не разобраться, не успеваешь услышать один, как уже следующий — так в сарае все шуршит, шумит, вздыхает. Сено пахнет, я зарываюсь в него лицом, и мне кажется, что я, как в своем сне, открываю, открываю двери... И чувствую, что корова осторожно и тихо обнюхивает мою голову, плечи, спину. Не отгонять же ее. Но она и сама отходит, обнюхивает ясли, наполненные сеном, смотрит в них долгим печальным взглядом, как будто видит в них кого-то, и мне кажется, в глазах ее то ли воспоминание, то ли пред-